

КАЙДАНЫ

Лафкадио Хирн

И

РИЗРАКУ
• И ЧУДЕСА

В СТАРИННЫХ ЯПОНСКИХ СКАЗАНИЯХ

Лафкадио Хирн

**Призраки и чудеса в старинных
японских сказаниях. Кайданы**

«Центрполиграф»

УДК 821.521
ББК 83.3(5)

Хирн Л.

Призраки и чудеса в старинных японских сказаниях. Кайданы /
Л. Хирн — «Центрполиграф»,

ISBN 978-5-9524-5279-4

Япония – удивительная, завораживающая страна с богатейшей историей – бережно сохраняет наследие своих предков. Один из образцов такого наследия – кайданы – диковинные легенды и рассказы о призраках, необычных суевериях, жутких и сверхъестественных событиях. Почти все они заимствованы из старинных японских книг, таких как «Ясо-кидан», «Буккё-хаякка-дзэнсё», «Кокон-тёмонсю», «Тамма-сдарэ», «Хяка-моногатари».

УДК 821.521

ББК 83.3(5)

ISBN 978-5-9524-5279-4

© Хирн Л.
© Центрполиграф

Содержание

Предисловие	6
Кайданы	11
Вступление	12
История Миминаси Хоити	13
Осидори	20
История О-Тэи	23
Убадзакура	27
Искусство дипломатии	30
Зеркало и колокол	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Лафкадио Хирн
Призраки и чудеса в
старинных японских сказаниях
Кайданы

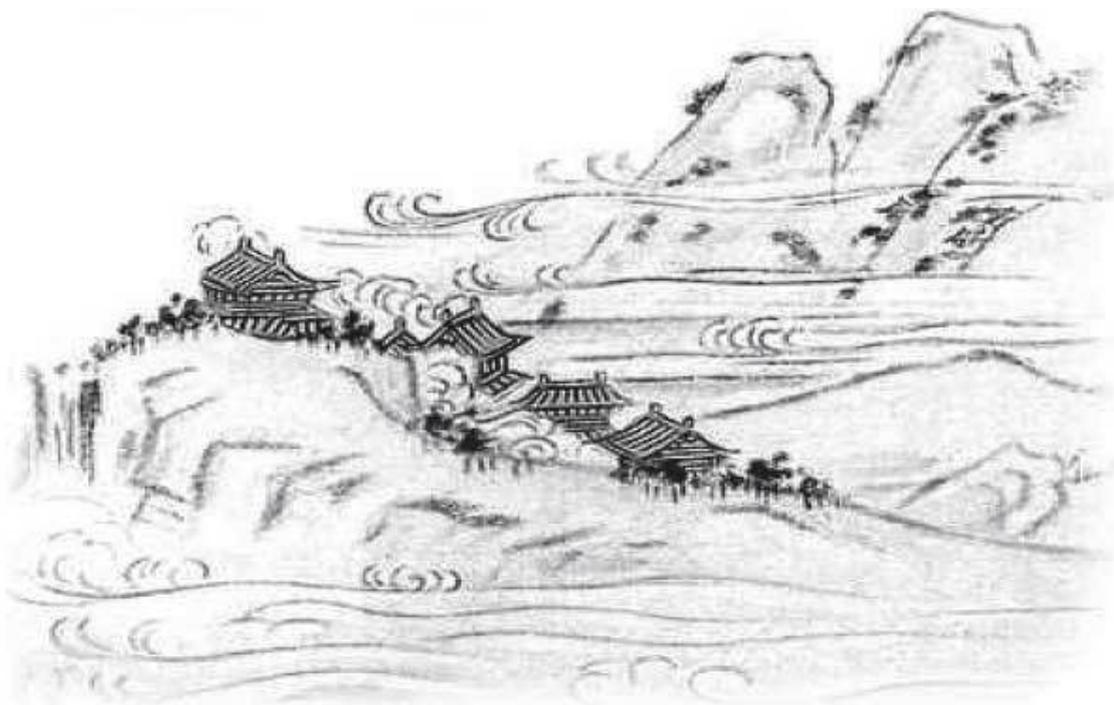
Lafcadio Hearn

GHOST STORIES AND STRANGE TALES OF OLD JAPAN

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2017

© Художественное оформление, ЗАО «Центрполиграф», 2017

* * *

Предисловие

Вскоре после смерти Лафкадио Хирна его вдова, японка, составила список того, что он «любил больше всего на свете». Список получился любопытный и может многое поведать об этом человеке. К примеру, в списке есть закаты, запад, лето, море и купание, банановые деревья, японский кедр, Мартиника, народные песни, кайданы (рассказы о духах), бифштексы, насекомые и заброшенные кладбища. Еще Хирну нравились сливовый пудинг, натопленные комнаты, простодушные люди и Герберт Спенсер¹. Каталог ненавистных ему вещей оказался бы куда длиннее, но миссис Хирн привела лишь некоторые из них: ложка, притеснение слабых, длиннополые сюртуки, накрахмаленные сорочки и город Нью-Йорк. Описать легко продолжить: он на дух не переносил многие проявления западной цивилизации и прежде всего западный индустриализм – шум, машины, толпу и суету, дым и грязь, жуликов, болтунов и почти всех людей, с которыми ему приходилось поддерживать деловые отношения. Хирн был нелюдимым, своенравным, неугомонным, вспыльчивым, верным в дружбе и болезненно обидчивым. Он не умел ладить с теми, кто не разделял его взглядов, и большую часть жизни провел в яростной борьбе с препонами и неприятностями, на которые обладатели менее буйного темперамента обращают мало внимания, быстро приучаются терпеть, а со временем и вовсе не замечать. Умер он в возрасте пятидесяти четырех лет, оставив на земле горстку преданных друзей, гораздо больше заклятых врагов и дюжину книг, навсегда обеспечивших ему достойное место в истории английской литературы.

Хирн, имевший склонность к непредсказуемым поступкам, редко жил по правилам, и судьба этого человека не менее колоритна, чем его личность. Он родился 27 июня 1850 года на острове Святой Мавры² у побережья Греции. Его отец был ирландцем, служил врачом в британской армии. О матери – гречанке – говорили, что она отличалась сказочной красотой и мятущимся, неугомонным духом. Лафкадио всегда считал, и, возможно, не без оснований, что все свойства характера он унаследовал именно от нее, а не от отца. Когда мальчику было шесть лет, семья переехала в Дублин, родители вскоре поссорились, мать сбежала с кавалером, своим соотечественником, и больше о ней ничего не слышали. Отец, не теряя времени, женился во второй раз, после чего сослал сына к богатой и весьма эксцентричной двоюродной бабушке. Через несколько лет Лафкадио отвезли в Ашоу, деревню в английском графстве Дарем, где определили в католическую школу (по той причине, что двоюродная бабушка, дама с причудами, незадолго до этого обратилась в католичество). В школе новичок быстро прославился успехами на уроках английского и презрением к авторитетам.

Однажды во время игры однокашник раскрутил в воздухе веревку, и ее свободный конец случайно хлестнул Лафкадио по лицу. Травма оказалась настолько серьезной, что он навсегда ослеп на один глаз. Мальчик и без того был близорук, а нагрузка на второй глаз со временем еще сильнее ослабила зрение, так что всю оставшуюся жизнь его преследовал страх полной слепоты.

В семнадцать лет Лафкадио разорвал отношения со своей попечительницей и уехал в Лондон. Там он прожил два года в ужасающей нищете – этот период, видимо, оставил слишком неприятный след в его душе, потому что впоследствии Хирн старался о нем не вспоминать.

Незадолго до двадцатилетия он отправился (или был отправлен) в Америку, в Цинциннати, где кто-то из дальних родственников пообещал обеспечить ему денежное содержание.

---

¹ Герберт Спенсер (1820–1903) – английский мыслитель, автор «Системы синтетической философии», социолог и один из основоположников эволюционизма. (Примеч. пер.)

² Второе название этого острова в Ионическом море – Лефкада; в честь него Хирн и получил имя, которое по-гречески произносится Лефкадиос. (Примеч. пер.)

Но обещание не было выполнено, и бедный молодой человек в городе на берегах Огайо попал в ту же ситуацию, что некогда привела его в лондонские трущобы. Ненадолго он нашел приют в заброшенной котельной на пустыре, потом пожилой соотечественник по имени Генри Уоткин разрешил ему спать на пачках бумаги, сложенных на задворках своей типографии, а позднее Хирн смог позволить себе настоящую роскошь – койку в грязной ночлежке.

В Цинциннати он провел восемь лет, и, вероятно, это было самое важное время в его жизни. Именно там нелюдимый полуслепой бродяга впервые обнаружил в себе способности к литературному творчеству и понял, что благодаря им сумеет заставить окружающий мир обеспечить его средствами к существованию и даже добьется пусть не громкой, но доброй славы. Вскоре после приезда в Америку Хирн взялся за сочинительство. Однажды вечером, преодолев свою нелюбовь к общению, он отнес несколько рукописных страниц редактору местной газеты. Его рассказ опубликовали, и Хирн продолжил сотрудничество с этим изданием. Теперь у него были свой стол и стул в углу редакторского кабинета. За несколько недель он превратился в предмет обстановки: невзрачный парень в потрепанной одежде утром проскальзывал в редакцию незаметно, как тень, и весь день, до темноты, писал, склонившись над листами бумаги, ничего не видя и не слыша вокруг.

Через год Хирн сделался звездой местной журналистики и получил профессиональное признание как лучший репортер в своем жанре. А жанр был необычный. Хирн писал атмосферные отчеты о кровавых событиях, повергавших горожан в ужас. У него лучше, чем у кого-либо из корреспондентов в Цинциннати, получалось удовлетворять страсть публики к жутким подробностям несчастных случаев, убийств и всякого рода проявлений насилия. Одно небывало жестокое убийство с последующим частичным сожжением трупа в заводской печи он описал столь бойко и красочно, что этот криминальный случай прогремел на весь штат. В течение нескольких лет Хирн упорно совершенствовал свой макабрический стиль, но с возрастом, оглядываясь назад и вспоминая трудолюбиво собранную коллекцию ужасов, он стал называть заметки, написанные в те дни, грехами литературной молодости.

В Цинциннати Хирн обрел уверенность в своем таланте, обзавелся добрыми знакомыми среди газетчиков, много читал и писал, а в свободное от работы время вел странную жизнь, о которой даже его малочисленные друзья имели смутное представление. Он без особого почтения относился к правилам приличия западного общества, всегда проявлял интерес к таинственному и необъяснимому, стремился побольше разузнать о диковинных обычаях и легендах других народов. Именно этот интерес спустя двадцать лет стал причиной появления «Кайданов». И в середине 70-х годов XIX века в городке в штате Огайо он тоже не давал Хирну покоя. Репортер заинтересовался жизнью негритянской колонии на берегу реки, начал пропадать по вечерам в тамошних салунах и ночных барах, смотрел и слушал, наблюдал местных жителей за работой и в часы досуга, видел их танцы и перебранки, был очарован их музыкой, песнями и природной, первобытной сексуальностью. Мало кто из уважаемого белого населения Цинциннати мог понять и одобрить подобное увлечение. О Хирне начали болтать, что в личной жизни он заводит связи исключительно с негритянками, а надменный ирландец, презиравший любые условности, даже не потрудился опровергнуть или подтвердить эти слухи. Однако в конце концов неприязнь благопристойного общества, а также любовь к теплу и природе южных широт вынудили Хирна покинуть Цинциннати, и в 1887 году он перебрался в Новый Орлеан.

О формировании Хирна как писателя можно сказать, что годы его ученичества прошли в Цинциннати, а в Новом Орлеане он нашел применение таланту и обретенным навыкам, интеллектуально развивался, оттачивал стиль, и впоследствии результаты этой работы в полной мере отразились в книгах, написанных им в Японии и являющих собой образцы литературы высочайшей пробы. В Новом Орлеане Хирн прожил десять лет. Когда он туда приехал, в городе его никто не знал; когда же он покинул Новый Орлеан, фамилия профессионального журналиста уже прославилась на весь Юг, а сотрудничество с газетами Восточного побережья положило

начало его всеамериканской известности. Последние годы в Новом Орлеане, вероятно, стали единственным периодом в биографии Хирна, когда он был абсолютно доволен жизнью дольше нескольких месяцев подряд. В 1881 году его приняли в штат «Таймс демократ», где он попал в круг единомышленников. Хирн стал «специальным корреспондентом», и никто не препятствовал ему удовлетворять свою страсть к таинственному и необъяснимому. Он переводил с французского книги современников и предшественников, писавших об экзотических странах и обычаях; изучал восточную литературу на предмет затейливых историй и легенд – и тоже переводил их, затрачивая уйму времени и сил, чтобы передать на английском языке богатый колорит оригиналов.

В Новом Орлеане Хирн наконец-то обзавелся компанией близких по духу друзей. Кроме того, он терпеть не мог холод, и здесь, гуляя летом по раскаленным солнцем улицам, наслаждался жизнью. Но, как ни парадоксально, именно близость Нового Орлеана к тропикам спустя десять лет стала причиной расставания Хирна с этим городом. Знойные ветра резвились над заливом, рынки пестрели россыпями экзотических фруктов, портовые переулки кишели сошедшими на берег матросами с торговых судов из дальних стран, и Хирн сторал от желания изведать неизведанное. Он уехал из Нового Орлеана, провел месяц в Нью-Йорке – к этому городу у него навсегда сохранилось величайшее отвращение, – а затем в марте 1887 года отплыл на корабле в Вест-Индию.

Поначалу тропики поразили его и превзошли все ожидания. Письма Хирна с Мартиники переполнены радостью человека, который после долгих поисков обрел то, что долго искал, и теперь уверен в своем безоблачном будущем. Но судьба всегда подбрасывала ему проблемы в самый неподходящий момент. Вот и теперь беда нагрянула, когда он чувствовал себя в полнейшей безопасности. Да и темперамент не позволял неугомонному ирландцу долго оставаться на одном месте в тишине и спокойствии. Он прожил на своем райском острове всего несколько месяцев, когда неприятности вдруг посыпались одна за другой: болезни, побочные эффекты климата, оказавшегося слишком жарким для того, чтобы можно было плодотворно работать, отказ в оплате нескольких статей, отправленных им в редакцию, и навязчивые мысли о том, что издатели постоянно его обманывают. И все же именно на Мартинике Хирн написал свою первую значительную книгу – «Два года во французской Вест-Индии», – публикация которой поспособствовала его растущей славе. Однако финансового успеха она ему не принесла, и Хирн, снова попав в бедственное положение, провел несколько ужасных месяцев в Филадельфии и Нью-Йорке, подрабатывая внештатно в разных печатных изданиях и пытаясь играть роль литературной знаменитости невысокого полета. Гордость и упрямство не позволили ему признать свое поражение и вернуться к налаженной, уютной жизни в редакции новоорлеанской газеты. Что удивительно, предложение приехать в Японию, чтобы написать ряд познавательных очерков в духе тех, что составили его книгу о Мартинике, Хирн сначала встретил без энтузиазма. Он усомнился в своей способности понять японцев, обладателей куда более сложного менталитета, чем у простодушных детей тропиков, и решил, что понадобятся годы наблюдений и сбора материала, прежде чем ему удастся рассказать читателям о Японии. Кроме того, ведь придется пересечь полмира, чтобы очутиться в совершенно незнакомой стране... Тем не менее зимой 1890 года Хирн отважился на это путешествие. Тогда он считал, что его ждет обычная журналистская командировка на два-три года, не более того. Однако пребывание писателя в Японии затянулось на четырнадцать лет и закончилось лишь с его смертью.

Едва ступив на землю острова, Хирн понял, что останется здесь надолго. Он никогда не отличался благоразумием и вскоре после прибытия ухитрился испортить отношения с редакцией журнала, заказавшего ему серию очерков. Договор был расторгнут, в результате Хирн оказался без средств к существованию в чужой стране, где его никто не знал. При этом мрачные перспективы не помешали ему восторженно заняться исследованием нового, диковинного

мира, в который он попал. Месяц спустя Хирн написал Джозефу Танисону, давнему другу из Цинциннати:

«Страна... преисполнена упоительного очарования. В художественном отношении это один огромный музей. В плане общественного устройства и природных условий – воистину «земля фей», сказочное царство. Да и сами японцы с первого взгляда производят впечатление сверхъестественных существ, добрых фей... Их религия мгновенно захватила мое воображение и надолго завладела мыслями. Я с головой ушел в буддизм – совсем не тот буддизм, что описан в книгах. Эта вера проникнута глубочайшей нежностью, она трогательна, наивна и бесконечно прекрасна. Я присоединяюсь к толпе паломников на подступах к великим храмам, звоню в огромные колокола и воскуряю благовония перед улыбающимися богами...»

Все оставшиеся четырнадцать лет жизни Хирн продолжал в буквальном и в переносном смысле воскурять фимиам во славу улыбающихся богов древней Японии. Он быстро понял, что эта страна являет собой широчайшее поле деятельности для человека с его талантами и склонностями. Ведь в центре его интересов всегда находились чужие верования, обычаи и мировоззрения. Писать путевые заметки и научные монографии о политическом устройстве, экономике и истории страны Хирн предоставил другим авторам. Для его цели больше подходил жанр немногословных, но точных зарисовок, изобилующих уникальными деталями, которые можно было неспешно и терпеливо накапливать, чтобы в итоге явить читателю емкую, но четкую и всеобъемлющую картину повседневной жизни людей, мозаику с вкраплениями фольклора, национальной литературы и религии. В Японии Хирн нашел неисчерпаемый клад письменных текстов и усердно изучал их до конца своих дней. Его метод познания чужой культуры, особый взгляд на нее и сам стиль повествования не замедлили привлечь внимание читателей. Первая книга Хирна о Японии вышла в 1894 году, через четыре года после его приезда на острова. Она нашла небольшую, зато благодарную аудиторию. И эта аудитория медленно, но верно росла с появлением каждой из одиннадцати книг, опубликованных при жизни автора. И пусть тиражи так и не смогли обеспечить финансовое благополучие Хирну и его семье, он прожил достаточно долго, чтобы принять похвалы от самых взыскательных умов Америки и Британии и увидеть зарождение своей литературной славы, которая уже тогда обещала пережить его на многие годы.

Основные события в жизни Хирна на Японских островах хорошо известны. Через несколько месяцев после прибытия он получил место школьного учителя в провинции Идзумо, и годы, проведенные там, были весьма плодотворными; помимо прочего, он принял окончательное решение навсегда остаться в Японии и женился на юной представительнице старинного самурайского рода. Из Идзумо Хирн перевелся в Высшую школу Кумамото, а спустя еще несколько лет занял должность профессора английской литературы в Токийском императорском университете, где вскоре заслужил репутацию блистательного преподавателя, – бывшие студенты до сих пор вспоминают о нем с благодарностью.

Таким образом, во время пребывания в Японии все свои способности и энергию Хирн посвящал выполнению двух задач. В классах и студенческих аудиториях он старался дать японским ученикам надлежащее представление об истории и традициях английской литературы, привить им любовь к лучшим ее произведениям, а в свободное время часами напролет увлеченно работал над книгами, пытаясь донести до западного читателя строгую красоту японской культуры, которая его завораживала. Вопреки всему – слабому здоровью, постоянной угрозе слепоты, мизерному доходу от изданных книг и несовершенству японской системы школьного образования, лишившей его должности учителя, – Хирн выполнял свою двойную миссию с таким мастерством и самоотдачей, что иначе как подвигом, высшим проявлением человеческого мужества и интеллекта, это нельзя назвать.

«Кайданы» стали предпоследней из написанных Хирном книг и последней опубликованной при его жизни. Эта книга была издана в апреле 1904 года; автор умер пять месяцев спустя,

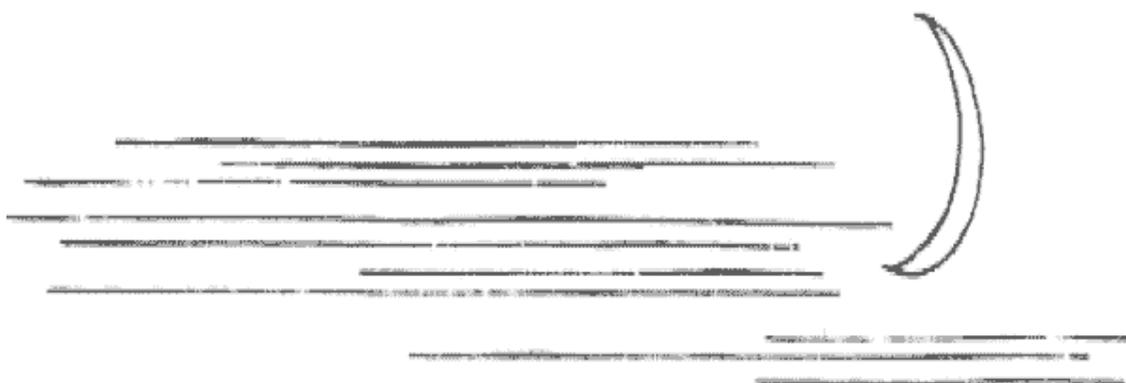
16 сентября, когда *Japan: An Attempt at Interpretation* («Япония. Попытка осмысления») еще не вышла из печати.

Хирн начал работать над «Кайданами», прожив в Японии больше десяти лет, – первоначальный бурный восторг к тому времени уже поутих, теперь писатель был ближе знаком с этой страной и лучше понимал ее обитателей. Но богатейший японский фольклор по-прежнему вызывал у него восхищение. Как и в первые месяцы пребывания в Японии, Хирн азартно охотился за диковинными легендами и рассказами о необычных суевериях и с тем же терпением тратил время на то, чтобы перевести свои находки на английский язык со всей возможной точностью. После смерти Хирна его вдова рассказала, сколько усилий он прилагал, стараясь передать на родном языке стиль и атмосферу японских «сказаний о призраках и чудесах», как он просил ее снова и снова разыгрывать сценки из кайданов и ловил каждую ее интонацию, каждое движение, каждый жест. «Увидел бы нас кто-нибудь тогда, решил бы, что мы сумасшедшие», – добавила она.

Читатели этой книги не пожалеют о том, что Лафкадио Хирн проявлял пристальное внимание к деталям и стремился передать дух древних сказаний, ибо в результате он подарил нам собрание кайданов, переведенных с предельной верностью, – другие примеры столь бережного отношения к первоисточникам в английской литературе трудно найти.

Оскар Льюис

Кайданы

Вступление

Большинство собранных здесь *кайданов*, повествований о жутких и сверхъестественных событиях, заимствованы из старинных японских книг, таких как «Ясо-кидан», «Буккё-хаякка-дзэнсё», «Кокон-тёмонсю», «Тама-сударэ» и «Хяку-моногатари». Некоторые сюжеты могут вести свое происхождение из Китая. К примеру, весьма примечательный «Сон Акиноскэ» определенно взят из китайского источника, однако японский сказитель так преобразил и приукрасил чужеземную историю, что она превратилась в его собственную.

Странный рассказ под названием «Юки-онна» я услышал от одного крестьянина из Тёфу в уезде Ниситамагори провинции Мусаси, и он утверждал, что эту легенду в его родной деревне с давних времен передавали из уст в уста. Не знаю, была ли она в Японии когда-либо записана, однако необычное суеверие, о котором в ней говорится, распространено во многих землях на островах и принимает самые причудливые формы.

История Рики-баки разворачивалась на моих глазах, я описал все в точности, как оно и происходило, изменив лишь фамилию богатой семьи, упомянутую старым дровосеком.

История Миминаси Хоити

Больше семисот лет прошло с тех пор, как в Данноуре – «заливе Дан» – близ Симоносэки состоялась последняя битва в долгой войне между домами Хэйкэ и Гэндзи, каковые еще называют Тайра и Минамото. Мужчины из рода Хэйкэ проиграли в той битве всё и сами погибли. Не стало их жен, детей и юного императора, ныне известного под именем Антоку-тэнно, а морем в заливе и тамошним побережьем на семьсот лет завладели призраки. Некогда я уже рассказывал о причудливых крабах, там обитающих, – у каждого на панцире можно различить человеческое лицо. Их так и называют – «крабы Хэйкэ» и говорят, что это духи воинов из павшего дома³. Однако на берегах Данноуры можно увидеть и услышать еще немало диковинного. Безлунными ночами у кромки воды расцветают тысячи призрачных огней, и бледные язычки пламени водят на волнах хороводы. Рыбаки называют их *они-би*, «демоны-огоньки». Когда же поднимается ветер, с моря доносится грозный ропот, словно где-то там еще бушует сражение.

---

³ Описание сих примечательных крабов приведено в моей книге Kotto. (Примеч. авт.)

Сейчас-то Хэйкэ немного уgomонились, но прежде они никому не давали покоя. Так и норовили потопить лодки, проходившие ночью по заливу, а уж купальщиков поджидали сутками напролет, чтобы утащить на дно. В надежде утихомирить голодных духов местные жители

возвели в Акамагасэки⁴ буддийский храм – Амидадзи, затем поблизости от храма, у самого берега, устроили кладбище, на котором поставили могильные камни с именами сгинувшего в Данноуре императора и его верных вассалов, и исправно проводили буддийские поминальные службы.

С появлением храма и могильных камней Хэйкэ стали меньше безобразничать, однако время от времени всё же позволяли себе что-нибудь учудить, словно напоминая о том, что их духи так и не нашли окончательного покоя.

Несколько столетий назад жил в Акамагасэки слепой человек по имени Хоити, снискавший славу сказителя и мастера игры на *биве*⁵. С самого раннего детства овладевал он этими двумя искусствами и в довольно юном возрасте уже превзошел своих наставников. Как о самом одаренном *бива-хоси* о нем говорили прежде всего те, кто слышал в его исполнении сказание о Хэйкэ и Гэндзи. Эти счастливицы утверждали, что, дескать, когда Хоити поет о битве в Данноуре, «даже чудища-кидзины не могут удержаться от слез».

В начале своего пути к славе Хоити был очень беден, однако ему повезло найти доброго друга и покровителя. Настоятель Амидадзи слыл большим поклонником музыки и поэзии и часто приглашал Хоити в храм, желая послушать его игру на биве и сказания. В конце концов, очарованный талантом юноши, он предложил приютить его в храме, и Хоити с благодарностью принял эту милость. Ему отвели комнатку в храмовой пристройке, а в обмен на еду и кров от него требовалось лишь изредка услаждать слух настоятеля музыкальными представлениями, в остальное же время он мог всецело располагать собой.

Однажды летней ночью настоятеля призвали отслужить буддийскую заупокойную службу в доме умершего прихожанина, и он ушел вместе с помощником, оставив Хоити в храме без присмотра. Ночь выдалась знойная, так что слепой музыкант выбрался из своей комнатки, уповая на свежий ветерок. Веранда, примыкавшая к его жилищу, выходила в садик на задворках Амидадзи. Хоити, усевшись поджидать настоятеля, решил скрасить себе одиночество упражнениями в игре на биве. Минула полночь, а настоятель так и не появился. Жара все не спадала, возвращаться в душное помещение не хотелось, и молодой человек оставался на веранде. Наконец он услышал шаги, приближавшиеся со стороны дальней калитки: кто-то пересек сад, приблизился к веранде и остановился прямо напротив. Но это был не настоятель. Глубоким звучным голосом гость окликнул музыканта по имени – резко и бесцеремонно, будто знатный самурай обращался к простому солдату:

– Хоити!

Молодой человек так растерялся от неожиданности, что не сумел ответить, и тогда в голосе прибавилось командирских ноток:

– Хоити!!!

– Да-да! – выпалил музыкант, совсем оробев. – Я слепой и не вижу, кто меня зовет!

– Не бойся. – Голос немного смягчился. – Я остановился на ночлег неподалеку от храма и прибыл к тебе с поручением. Мой нынешний господин, занимающий чрезвычайно высокое положение, сейчас изволит пребывать в Акамагасэки с многочисленной свитой. Он явился сюда взглянуть на место битвы в Данноуре и сегодня побывал на побережье залива. Узнав о твоём искусном исполнении сказания о том морском сражении, мой господин пожелал услышать тебя. Так что бери биву и следуй за мной в дом, где он тебя дожидается.

---

⁴ Или Симоносэки. Этот город также известен под названием Баккан. (Примеч. авт.)

⁵ Бива – четырехструнная японская лютня; она используется в основном для аккомпанемента речитативов. В давние времена профессиональных музыкантов-сказителей, читавших нараспев «Хэйкэ-моногатари» и другие трагические повести, называли *бива-хоси*, то есть «монахи-лютнисты». Почему именно «монахи» – не вполне ясно. Возможно, потому, что такие сказители, равно как и слепые массажисты, брили голову по примеру буддийских монахов. На биве играют с помощью плектра, который называется *бати* и, как правило, изготавливается из рога. (Примеч. авт.)

В те времена немногие рискнули бы послушаться приказа самурая. Хоити поспешно обулся, взял биву и спустился с веранды.

Незнакомец заставлял слепого идти слишком быстро, но железной рукой ловко направлял его шаги. Хоити слышал, как скрипят и лязгают доспехи; было ясно, что его проводник – воин в полном облачении, возможно дворцовый стражник при исполнении обязанностей. Первый страх уже прошел, музыкант даже сделал вывод, что ему сказочно повезло – ведь, по словам самурая, его господин занимает «чрезвычайно высокое положение», а значит, сказание о битве в Данноуре желает послушать какой-нибудь князь-даймё, не меньше.

Наконец самурай остановился и крикнул:

– *Каймон!*⁶

Тотчас послышался лязг засовов. Хоити понял, что его привели к огромным и очень широким воротам, но он не мог припомнить в этой части города ничего подобного, кроме главных ворот Амидадзи. Створки между тем отворились, и самурай, все так же держа молодого человека за плечо, зашагал по саду – вероятно, к входу в жилище. Опять остановившись, он громко сообщил кому-то:

– Я привел Хоити!

Тотчас послышался топот, зашуршали раздвижные двери и ставни, зазвучали женские голоса. По манере говорить Хоити распознал служанок из знатного дома, но по-прежнему не представлял себе, где находится. Времени строить догадки молодому человеку не оставили – ему помогли подняться по каменным ступеням, затем велели разуться, и женская рука долго лежала на его плече, направляя сначала по полам из полированных досок – по пути пришлось столько раз огибать деревянные опоры, что и не запомнить, – затем по полам, выстеленным циновками, и наконец Хоити оказался в центре какого-то просторного помещения. Он подумал, что вокруг много богато разодетых людей, – шелка шелестели, как листья в лесу. Еще там звучал едва различимый гул голосов: собравшиеся приглушенно переговаривались, и по обрывкам их бесед можно было понять, что все присутствующие – благородные особы.

Хоити предложили располагаться поудобнее, и он опустил на плоскую подушечку, приготовленную для него. Когда музыкант уселся и настроил биву, женщина – Хоити решил, что это *родзё*, то есть начальница женской прислуги, – обратилась к нему с такими словами:

– Настало время поведать историю дома Хэйкэ под звуки бивы.

Однако подробное повествование о сгинувшем клане должно было занять несколько ночей, поэтому Хоити осмелился уточнить:

– Поскольку сказание о Хэйкэ долго сказывается, какую часть истории сего достославного дома изволят выслушать господина прежде всего?

– Поведай нам о битве в Данноуре, – сказала женщина, – ибо нет ничего печальнее⁷ того события.

Тогда Хоити принялся рассказывать нараспев о яростном морском сражении – и голос его набирал силу, а в звуках бивы грохотали, крушась, корабли, звенели тетивы, свистели стрелы, гремели по палубе сапоги, визжала сталь мечей, ударяя о шлемы, кричали воины и с громким плеском падали за борт убитые... Когда струны ненадолго смолкали под пальцами Хоити, он слышал восторженные перешептывания справа и слева от себя: «Какой искусный сказитель!», «Даже в нашей родной провинции не слышали такой игры на биве!», «В целой империи не сыщется мастер, равный Хоити!». Вдохновленный такой похвалой, слепой музыкант начинал играть и петь лучше прежнего, и слушатели восхищенно замирали. Когда же рассказ его подошел к самому трагическому моменту – гибели беззащитных женщин и детей – и Нии-но-Ама

⁶ Вежливая просьба открыть ворота. Самураи так обращались к стражникам, когда хотели попасть в дом своего господина. (Примеч. авт.)

⁷ В японском тексте употреблено слово «аварэ», что означает «светлая грусть». (Примеч. авт.)

с малолетним императором на руках шагнула в морскую бездну, все собравшиеся как один испустили долгий, страшный, горестный крик. Вокруг Хоити поднялись плач и стенания. Люди рыдали так громко и безутешно, что слепой сказитель ужаснулся, сочтя себя виновником этой неистовой скорби. Какое-то время он еще слышал причитания, затем постепенно воцарилась тишина, и снова заговорила женщина, которую Хоити считал родзё.

– Все мы были наслышаны о тебе как об искусном мастере игры на биве и непревзойденном сказителе, однако же и представить себе не могли, что человек способен достичь и в том и в другом заоблачных высот, каковые ты явил нам нынче ночью. Наш господин уже пообещал достойно вознаградить тебя, притом он желает, чтобы ты выступал перед ним еще шесть ночей, – по окончании сего срока его милость предполагает отправиться в обратный путь. Стало быть, завтра ночью тебе надлежит быть здесь в тот же час, что и сегодня. Тот же страж будет послан за тобой в нужное время... И еще кое-что мне велено тебе передать. В течение всего пребывания нашего господина в Акамагасэки ты не должен никому говорить о своих визитах сюда, ибо он путешествует тайно и строго наказал всем посвященным не разглашать его личность... А теперь можешь возвращаться в храм.

Хоити должным образом выразил благодарность за оказанный прием, и женская рука повела его к выходу, где уже знакомый молодому человеку воин поджидал его, чтобы отвести в Амидадзи.

Самурай проводил Хоити до самой веранды у его спальни и на том распрощался.

Слепой возвратился домой перед самым рассветом, но его отсутствия ночью в храме никто не заметил – настоятель, и сам вернувшийся под утро, подумал, что музыкант уже спит.

Днем Хоити никто не тревожил, так что у него было время отдохнуть. Он ни с кем и словом не обмолвился о своих ночных приключениях. А в полночь за ним явился тот же самурай и снова отвел к благородному собранию. Второе выступление увенчалось не меньшим успехом, чем первое, однако на сей раз отлучка музыканта не осталась без внимания в храме: кто-то из служителей обнаружил, что Хоити нет в комнатке. Потому утром, едва бродяга вернулся, настоятель призвал его к себе и с ласковым упреком сказал:

– Ну и заставил же ты нас поволноваться, дружище Хоити! Слепому ходить в одиночку по ночам опасно. Почему ты не предупредил нас? Я отправил бы с тобой кого-нибудь из монахов... Что за спешное дело возникло у тебя посреди ночи?

– Прошу простить меня, добрый друг. Но дело и правда было спешное и сугубо личное, так что уладить его в другой час и при свидетелях я, увы, не имел возможности, – уклончиво пробормотал Хоити.

Настоятеля такой ответ скорее удивил, чем обидел. Если молодой человек не хочет ничего рассказывать, значит, что-то здесь нечисто, решил он. Уж не заморочил ли Хоити голову какой-нибудь злой дух? Весьма обеспокоившись этим подозрением, настоятель не стал больше расспрашивать друга, однако втайне велел храмовым служителям присматривать за Хоити и следовать за ним, куда бы он ни направился после наступления темноты.

Той же ночью слепой музыкант снова покинул храм, и служители, спешно запалив огонь в фонариках, двинулись за ним. Но тут, к несчастью, зарядил дождь, темнота сгустилась, и, даже не дойдя до ворот, они упустили сказителя из виду. Хоити шагал на удивление быстро для слепого, да еще по разбитой дороге в ямах и колдобинах, на которой и зрячий замедлил бы ход. Служители разбежались по улочкам расспрашивать владельцев домов, где часто выступал Хоити, но так ничего и не выяснили. Бросив в конце концов тщетные поиски, они побрели обратно в храм вдоль берега и вдруг услышали звуки бивы со стороны кладбища при Амидадзи. Там царствовала тьма, на чью власть посягали лишь призрачные огоньки, всегда выходявшие в этих краях поплясать безлунными ночами. Однако служители смело устремились к кладбищу и там при свете фонариков отыскали Хоити – сидя в одиночестве под дождем напротив могильного памятника Антоку-тэнно, он играл на биве и читал нараспев сказание

о битве в Данноуре. А перед ним, над ним и повсюду вокруг на кладбищенских камнях, как свечи, горели язычки потустороннего пламени. Никогда прежде людским взорам не представляла столь многочисленная рать *они-би*...

– Хоити-сан! Хоити-сан! – заголосили монахи. – На вас навели злые чары! Хоити-сан!

Но слепой будто оглох. Под его быстрыми пальцами бива гремела, гудела, звенела и лязгала, а голос, повествовавший о морском сражении, становился все сильнее и громче. Монахи схватили молодого человека за плечи, заорали ему прямо в уши:

– Хоити-сан! Хоити-сан! Идемте с нами сейчас же! Надо возвращаться!

– Негоже так грубо прерывать сказителя перед столь благородными слушателями! – возмутился Хоити.

Тут уж, вопреки престранным обстоятельствам, служители храма не смогли удержаться от смеха. Уже не сомневаясь, что музыканта околдовали духи, они схватили его, поставили на ноги и потащили за собой в Амидадзи. Там по приказу настоятеля с него немедленно сняли мокрую одежду, облачили бедолагу в сухое, накормили и напоили. Только после этого настоятель потребовал от друга подробных объяснений его странному поведению.

Хоити долго не решался все рассказать. Но в конце концов, осознав, что и правда причинил своему доброму покровителю немало забот и беспокойства, он осмелился нарушить запрет и поведал все, что произошло с той самой ночи, когда за ним впервые явился самурай.

Выслушав, настоятель сказал:

– Хоити, бедный мой друг, теперь ты в большой опасности! Ну почему же ты мне сразу во всем не признался? Непревзойденное мастерство в игре на биве и сказительстве навлекло на тебя страшное несчастье. Знай же, что тебя не принимали в богатом доме, а заманивали на кладбище, где ты и провел все эти ночи среди могильных камней Хэйкэ. Там, у памятника Антоку-тэнно, тебя нашли сегодня монахи под проливным дождем. Все, что ты навоображал себе, было наведенными чарами, за исключением зова мертвецов. Однажды откликнувшись на него, ты предал себя во власть духов. Если откликнешься снова после всего, что случилось, они разорвут тебя на куски. Но они все равно бы это сделали рано или поздно, при любых обстоятельствах... Увы, следующей ночью я не смогу остаться с тобой – меня опять позвали на заупокойную службу. Но перед тем как уйти, я напишу на твоём теле слова «Ханния-синкё»⁸ – они тебя защитят.

Перед закатом настоятель с помощником раздели Хоити и принялись кисточками, иероглиф за иероглифом, наносить на его кожу «Сутру сердца». Вскоре священными письменами были покрыты грудь и спина, затылок и лицо, шея, руки, ноги и даже пятки молодого человека. Когда дело было закончено, настоятель дал Хоити последнее напутствие:

– Нынче ночью, как только я покину храм, ты должен сесть на веранде и ждать. Духи снова тебя позовут. Но, что бы ни случилось, молчи, не отвечай и не двигайся, будто ты погружен в медитацию. Если пошевелишься или издашь хоть один звук, духи раздерут тебя в клочья. Не позволяй страху завладеть тобой и ни в коем случае не зови на помощь, потому что тогда уж никто тебя не спасет. Если сделаешь, как я сказал, опасность исчезнет, и тебе уже нечего будет бояться.

Когда стемнело и настоятель с помощником ушли, Хоити послушно уселся на веранде. Биву он положил перед собой, сделал вид, что погрузился в медитацию, а сам думал только о том, как бы не кашлянуть и дышать потише. В полной неподвижности молодой человек провел

---

⁸ Так называется по-японски «Праджняпарамита хридая сутра» («Сутра сердца совершенной мудрости»). Что же касается описанного в японском кайдане применения этого священного текста в магических целях, будет уместно упомянуть, что сутра содержит в себе учение о пустоте форм, то есть о нереальности всего сущего. (Примеч. авт.)

несколько часов. Наконец с дороги, ведущей к храму, до него донеслись шаги. Кто-то открыл калитку, пересек сад, приблизился к веранде и остановился напротив слепого.

– Хоити! – прозвучал глубокий голос.

Но сказитель лишь затаил дыхание.

– Хоити! – Голос сделался суровым, а затем яростным: – Хоити!!!

Молодой человек безмолвствовал и не шевелился.

– Нет ответа! – возмутился голос. – Непорядок! Ну-ка, посмотрим, где этот человечиска!

По доскам веранды загрохотали тяжелые шаги и стихли совсем рядом с Хоити. На несколько долгих минут, в течение которых музыканту казалось, будто все его тело сотрясается от ударов сердца, установилась мертвая тишина. И вдруг голос прогремел у самого его уха:

– Бива на месте, а бива-хоси я что-то не наблюдаю – лишь два уха висят в воздухе! Теперь понятно, почему он не отвечал – у него же рта нет. Только два уха и остались...

«...Форма есть пустота, и пустота есть форма. Пустота неотличима от формы, и форма неотличима от пустоты. Что есть форма, то является пустотой. Что есть пустота, то является формой. Восприятие, понятие, учение и знание – всё есть пустота. Нет глаз, ушей, носа, языка, тела и разума... И когда спадет пелена сознания, он [взыскующий истины] освободится от всех страхов и за пределами изменчивого мира достигнет нирваны...»

– ...Отнесу-ка я эти уши своему господину в доказательство того, что приказ его выполнен мною в меру сил и возможностей.

В следующее мгновение Хоити почувствовал, как на его ушах сжались чьи-то стальные пальцы – и дернули! Боль была страшная, но музыканту удалось сдержать крик. Тяжелые шаги снова прогрохотали по доскам веранды, на сей раз удаляясь от него, прошуршали по садовой тропинке и стихли за калиткой.

Справа и слева по шее Хоити текло что-то теплое, но он так и не осмелился поднять руку.

Настоятель вернулся перед самым рассветом. Он тотчас поспешил к веранде в саду на задворках храма, взбежал по ступенькам и вдруг поскользнулся на чем-то мокром и липком, а посмотрев под ноги, вскрикнул от ужаса, ибо в свете фонаря увидел, что стоит в луже крови. И тут же свет выхватил из темноты Хоити, сидевшего в позе медитации. Из двух ран на месте ушей молодого человека еще сочилась кровь.

– Бедняга Хоити! – воскликнул перепуганный настоятель. – Что с тобой приключилось? Ты ранен?

Услышав знакомый голос, слепой выдохнул с облегчением – ведь теперь он был в безопасности – и, разразившись рыданиями, сквозь слезы поведал о своих ночных злоключениях.

– Несчастный мой друг! – простонал настоятель. – Это я во всем виноват! Непростительная оплошность! Повсюду на твоём теле мы написали слова сутры, повсюду, кроме ушей! Я доверил эту часть работы помощнику и, решив, что он ее выполнил, не потрудился проверить – какое ужасное упущение с моей стороны!.. Ох, теперь уж ничего не исправить – мы можем только со всем тщанием обработать твои раны, и сделаем это немедленно. Однако же у тебя есть и повод для радости: опасность миновала, местные духи тебя больше не потревожат.

Благодаря заботам лучшего лекаря раны Хоити вскоре зажили. А его удивительная история передавалась из уст в уста и принесла ему громкую славу. Многие благородные особы приезжали в Акамагасэки специально для того, чтобы услышать этот рассказ в его собственном исполнении, и не скупилась на вознаграждение искусному мастеру игры на биве, так что слепой сказитель быстро сделался очень богатым человеком. Но с той страшной ночи все вокруг звали его Безухим – Миминаси Хоити, и только так.

Осидори

В уезде Тамура-но-Го, что в провинции Муцу, жил-был некий Сондзё, большой мастер соколиной охоты. Однажды, в очередной раз отправившись на промысел, он лишь зря потратил время, так и не отыскав дичи. Но на обратном пути в местечке под названием Аканума попались ему на глаза две *осидори* (утки-мандаринки)⁹, плывшие бок о бок по реке, которую он как раз собирался перейти вброд. Убивать осидори – последнее дело, однако Сондзё изрядно проголодался, а потому вскинул лук и выстрелил в птичек. Стрела попала в самца. Перепуганная самочка метнулась к зарослям тростника на другом берегу и исчезла из виду. Удовольствовавшись одной мертвой уткой, Сондзё принес ее домой и немедленно приготовил себе ужин.

---

⁹ В давние времена на Востоке эти птицы служили символом счастливого брака и взаимной привязанности. (Примеч. авт.)

Той же ночью ему привиделся странный сон. Будто бы прекрасная женщина вошла в его спальню, приблизилась к изголовью и разрыдалась, да так горько, что у Сондзэ защемило сердце. А женщина вдруг закричала на него: «Ах, зачем, зачем ты убил его?! В чем он перед тобой провинился?.. Мы были так счастливы в Акануме, а ты забрал его жизнь! Он ведь тебе

ничего не сделал, а ты взял и застрелил его! Да ты хоть понимаешь, что натворил? О, ты и не подозреваешь, сколь жестоко поступил с нами! Ты ведь и меня убил вместе с ним, ибо без моего любезного супруга мне жизнь не мила. . . Я только для того и пришла, чтобы сказать тебе об этом!» Тут женщина разрыдалась еще громче и горше, и Сондзё почувствовал, что сердце у него разрывается от чужой скорби. А незнакомка, глотая слезы, прочитала стихотворение:

Хи кукурэба
Сасоэси моно-о —
Аканума-но
Макомо-но курэ-но
Хитори-ни дзо уки!

«С приходом сумерек позвала я его в обратный путь. Теперь одной мне спать в тенистой заводи Аканумы. О неизбывная печаль!»¹⁰

Едва отзвучали эти строки, женщина воскликнула: «Неужто и вправду тебе невдомек, что ты наделал? Тогда приходи завтра в Акануму – и сам увидишь, непременно увидишь!..» Закончив говорить, она жалобно всхлипнула и исчезла.

Когда утром Сондзё проснулся, воспоминание о сне было столь живым и красочным, что ему стало не по себе. В памяти снова и снова раздавались слова: «Приходи завтра в Акануму – и сам увидишь, непременно увидишь!..» В конце концов он решил отправиться к реке, хотя бы для того, чтобы проверить, не окажется ли странный сон чем-то большим, нежели обычная ночная греза.

Сондзё пришел в Акануму и, приблизившись к берегу, увидел самочку осидори, плывущую в одиночестве. В то же мгновение и птица заметила охотника. Но вместо того чтобы поспешно улететь прочь, она поплыла прямо к Сондзё, не сводя с него странного пристального взгляда. И вдруг сильным ударом клюва осидори пробила собственную грудь и умерла на глазах у человека.

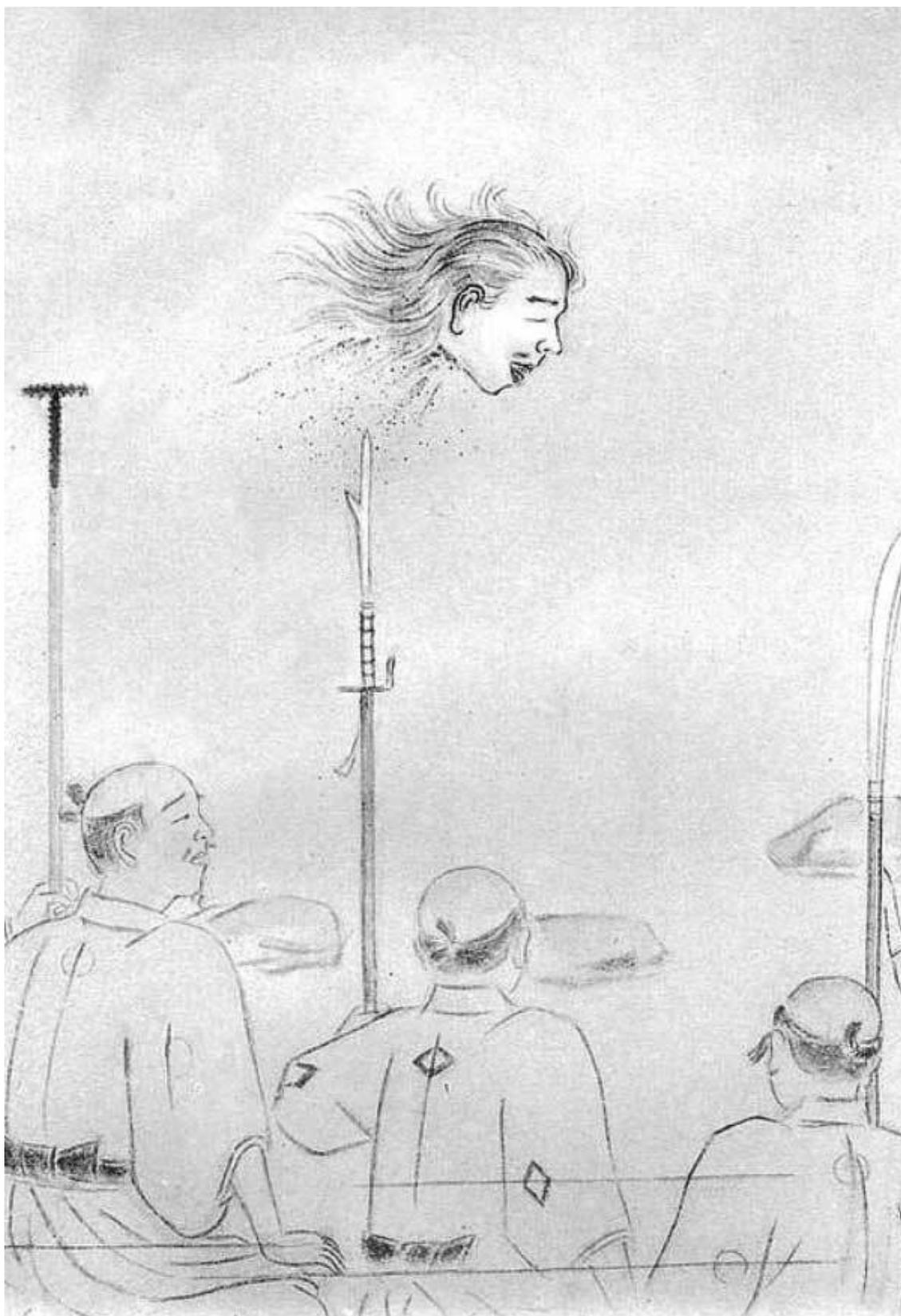
Сондзё обрил голову и стал странствующим монахом.

---

¹⁰ В третьей строке этого стихотворения есть патетический двойной смысл. Если записать название Аканума – «красная топь» – другими знаками, получится «акану-ма», что означает «времена нашего неразлучного (сладостного) союза». Так что стихотворение можно перевести и так: «Когда солнце клонилось к закату, позвала я тебя за собой... А ныне, вспоминая счастливые дни, проведенные нами вместе, как горестно спать одной в тени тростника». Макомо – вид тростника, из которого плетут корзины. (Примеч. авт.)

История О-Тэи

Давным-давно в городе Ниигате провинции Этидзэн жил человек по имени Нагао Тёсэй. Был он сыном лекаря и с детства перенимал отцовское ремесло. Тогда же, в детстве, родители заключили договор о его будущей женитьбе на О-Тэи – дочери одного из приятелей отца. Два семейства условились сыграть свадьбу, как только Тёсэй закончит учебу. Но оказалось, что у О-Тэи слабое здоровье – в пятнадцать лет девушка заболела неизлечимой чахоткой. Осознав, что умирает, она послала за Тёсэем, чтобы с ним попрощаться.

Едва молодой человек опустился на колени у ее ложа, О-Тэи заговорила:

– Нагао-сама¹¹, суженый мой, мы обещаны друг другу с малых лет и к концу этого года должны были пожениться. Но теперь я чувствую, что скоро умру. Может статься, оно и к лучшему, раз уж боги так рассудили. Ведь даже если я проживу еще несколько лет, никому от этого пользы не вый дет – сделаюсь обузой для всех и причиной беспокойства. С таким никудышным здоровьем я не сумею стать вам хорошей женой, а потому желать пожить еще немного с моей стороны было бы недостойно. Я готова умереть и прошу вас, обещайте не горевать по мне... Сверх того, хочу заверить вас, что мы непременно встретимся снова.

– Конечно, встретимся! – пылко воскликнул Тёсэй. – И в том прекрасном мире мы уже никогда не познаем горечи разлуки!

– Нет-нет, – покачала головой О-Тэи. – Я не о другом мире толкую. Нам суждено встретиться здесь спустя несколько лет. Так и будет, хотя завтра меня похоронят.

Тёсэй непонимающе воззрился на девушку, а она при виде его изумления лишь улыбнулась и, помолчав, снова заговорила нежным сонным голоском:

– Да, мы встретимся в этом мире, в вашей нынешней жизни, Нагао-сама. При условии, конечно, что вы этого пожелаете. Однако для того, чтобы обещанное произошло, мне надобно будет опять родиться девочкой и подрасти. Так что вам придется подождать. Пятнадцать – шестнадцать лет – срок немалый, но вам ведь, мой нареченный жених, сейчас всего девятнадцать...

Тёсэй, желая утешить умирающую девушку, ласково сказал:

– Суженая моя, ждать тебя – для меня не только радость, но и долг. Мы будем связаны друг с другом на протяжении семи существований.

– Стало быть, вы мне не поверили? – взглянула ему в глаза О-Тэи.

– Милая, – устыдился Тёсэй, – я не верю лишь в то, что смогу узнать тебя в новом облике и с новым именем, коли ты не подашь мне какой-нибудь знак.

– Этого я не сумею сделать, – вздохнула О-Тэи. – Лишь богам и буддам ведомо, где и когда мы встретимся. Но я знаю, твердо знаю, что, если вы не откажетесь меня принять, я к вам вернусь... Не забывайте мое обещание.

Она замолчала. В следующий миг глаза ее закрылись. Девушка умерла.

Тёсэй любил О-Тэи всей душой и горько ее оплакивал. Он заказал поминальную табличку с ее *дзокумё*¹², поместил эту табличку на *буцудан*¹³ и каждый день приносил к ней поминальные дары. Он много размышлял над странными словами, которые О-Тэи сказала ему перед смертью. Желая почтить ее дух, молодой человек написал торжественную клятву жениться на О-Тэи, если та вернется к нему в другом облике, скрепил это послание к духу своей печатью и положил на буцудан за поминальной табличкой с именем возлюбленной.

Однако, будучи единственным сыном, Тёсэй обязан был обзавестись семьей, и вскоре ему пришлось уступить требованиям родителей и взять жену по выбору отца. После свадьбы молодой человек продолжал совершать подношения на алтаре с поминальной табличкой О-Тэи и часто вспоминал о ней с глубоким чувством. Но со временем образ покинувшей его невесты поблек в памяти – так под утро выцветают яркие сны. А годы между тем всё шли и шли.

За это время с Тёсэем приключилось много бед. Умерли его родители, за ними последовали жена и единственный ребенок. Так он остался один во всем мире. Вдовец покинул родной дом и отправился в долгое путешествие в надежде забыть о своих горестях.

Однажды дорога привела его в Икао – горную деревушку, которая и ныне славится горячими источниками и удивительной красоты окрестностями. Там, в гостинице, где он остано-

¹¹ Суффикс «сама» в японском языке добавляется к фамилии для выражения величайшего почтения. (Примеч. пер.)

¹² Дзокумё – это личное имя, принадлежавшее человеку при жизни, в отличие от *каймё* и *хамё* – посмертных имен, которые пишут на могильных камнях и поминальных табличках в храмах. (Примеч. авт.)

¹³ Буцудан – буддийский домашний алтарь. (Примеч. авт.)

вился на ночлег, ужин ему подала совсем молоденькая девушка. И от одного взгляда на нее у Тёсэя сердце забилось так, что он чуть не задохнулся. Девушка была как две капли воды похожа на О-Тэи; ему даже пришлось ущипнуть себя, чтобы убедиться, что это не сон. Он смотрел, как девушка разжигает огонь в очаге, ставит на поднос пищу, готовит комнату для гостя, и каждое ее движение вызывало к жизни трогательные воспоминания о той, что была ему обещана в раннем детстве. Тёсэй заговорил с незнакомкой, и та ответила нежным чистым голосом, отчего душа его наполнилась светлой печалью о прошлом. Тогда он в великом удивлении признался:

– Сестренка, ты очень похожа на одну девушку, которую я знал когда-то очень давно. До того похожа, что у меня перехватило дыхание, едва я тебя здесь увидел. Прости за любопытство, но не могу не спросить, откуда ты родом и как тебя зовут.

И тогда вдруг незабываемым голосом его покойной возлюбленной юная служанка ответила:

– Меня зовут О-Тэи, а вы Нагао Тёсэй из Этидзэн, мой нареченный жених. Семнадцать лет назад я умерла в Ниигате, и вы написали на листе бумаги клятву жениться на мне, если вернусь я в этот мир в новом женском обличье, затем скрепили бумагу своей печатью и положили на буцудан рядом с табличкой, на которой написано мое имя. И вот теперь я вернулась.

Договорив последние слова, девушка лишилась чувств.

Нагао Тёсэй женился на ней, и брак этот был счастливым. Но ни разу в жизни его жена так и не вспомнила, что она сказала ему тогда в Икао в ответ на просьбу назвать имя, и о своем прежнем существовании тоже не могла ничего сказать. Память о предыдущем рождении таинственным образом вспыхнула в ней в момент встречи с возлюбленным, тотчас погасла и больше уже не разгоралась.

Убадзакура

Триста лет назад в деревне Асамимура, что в уезде Онсэнгори провинции Иё, жил добрый человек по имени Токубэй. В уезде слыл он самым богатым крестьянином, и односельчане избрали его старостой-*мураоса*. Во многих делах Токубэю сопутствовала удача, но не во всех: к своим сорока годам он так и не познал счастья отцовства. Удрученные бездетностью, они с женой не раз возносили молитвы Фудо-мёо¹⁴, чей храм под названием Сайходзи, известный во многих землях, стоял в Асамимуре.

В конце концов молитвы были услышаны – жена Токубэя родила девочку, да прехорошенькую. Ее назвали О-Цую. Молока у матери не хватало, потому пришлось нанять для малышки кормилицу по имени О-Содэ.

О-Цую подрастала и становилась все краше. Но вдруг в возрасте пятнадцати лет она тяжело заболела. Лекари сказали, что недуг неизлечим. Тогда кормилица О-Содэ, любившая О-Цую как родную дочь, пошла в Сайходзи и принялась горячо молить Фудо-саму о выздоровлении бедняжки. Двадцать дней она взывала к божеству в этом храме, и на двадцать первый день О-Цую чудесным образом исцелилась.

---

¹⁴ Фудо – мёо – японское имя Ачалы – грозного божества-защитника (дхармапалы) в буддизме Ваджраяны. (Примеч. пер.)

Радости в семействе Токубэя не было предела. Он даже устроил пир для всех друзей по случаю счастливого события. Однако в тот самый вечер, когда все веселились и праздновали, кормилица О-Содэ внезапно слегла больная. А утром лекарь, которого к ней срочно призвали, сообщил, что женщина умирает.

Все члены семьи в великой скорби собрались у ложа кормилицы, чтобы с ней попрощаться. И вот что она им сказала:

– Настало время поведать вам то, о чем вы не знаете. Мои молитвы в храме Сайходзи были услышаны. Я просила Фудо-саму разрешить мне умереть вместо О-Цюю, и эта великая милость была мне оказана. А потому не надо обо мне печалиться... Лучше послушайте мое последнее желание. Я пообещала Фудо-саме посадить вишневое дерево в саду Сайходзи в знак благодарности ему и памяти о своем поступке. Теперь-то уж я не смогу это сделать, так что прошу вас исполнить мой обет... Прощайте, милые друзья, и помните, что я была счастлива умереть ради О-Цюю.

После похорон О-Содэ молодое вишневое деревце – *сакура* – самое прекрасное из тех, что удалось найти, было посажено в саду Сайходзи родителями О-Цюю. Деревце прижилось и стало расти. Через год, в шестнадцатый день второго лунного месяца, в годовщину смерти О-Содэ, оно вдруг расцвело так, что все ахнули от восхищения. И оно продолжало цвести каждый год в течение двухсот пятидесяти четырех лет, всегда в шестнадцатый день второго месяца, а его бело-розовые цветы были похожи на соски женской груди, набухшие молоком. И люди называли это дерево Убадзакура – «вишня кормилицы».

Искусство дипломатии

Казнь велено было провести в саду самурайской усадьбы-*ясики*. Стало быть, человека привели туда и бросили на колени посреди широкой, посыпанной песком площадки, которую пересекала цепочка *тоби-иси* – больших плоских камней, врытых в землю на расстоянии шага один от другого (тоби-иси, «летающие камни», и сейчас служат тропинками во многих японских садах). Руки приговоренного были связаны за спиной. Слуги принесли воду в деревянной бадье и мешки из-под риса, набитые галькой. Мешки расставили вокруг преступника так, чтобы он не смог сбежать. Явился хозяин усадьбы, окинул взглядом картину приготовлений и, найдя ее удовлетворительной, ограничился кивком.

– Ваша милость! – закричал, обращаясь к нему, связанный человек. – Преступление, в коем меня обвиняют, я совершил ненамеренно! По глупости совершил! Дурнем уродился, карма у меня такая, вот и делаю оплошности на каждом шагу, не могу удержаться! Но убивать человека за то, что он дурень, – это ж неправильно! А за неправильные поступки придется

расплачиваться. Попомните мое слово: коли убьете меня, я вернусь и отомщу! Из гнева моего родится голодный дух! И злом воздастся за зло!

Если перед смертью человек испытывает ярость и негодование, он и правда может превратиться в мстительного духа, который способен свести счеты с тем, кто его убил. Самурай знал об этом. Он заговорил с преступником мягко, почти ласково:

– Запугивай нас сколько угодно, хоть сейчас, хоть после смерти. Однако же мне как-то не верится, что ты сдержишь обещание. Не затруднит ли тебя подать нам какой-нибудь знак своего великого гнева, после того как твоя голова слетит с плеч?

– Подам, еще как подам! – крикнул преступник.

– Вот и славно, – сказал самурай, обнажая длинный меч-катану. – Сейчас я отрублю тебе голову. Прямо перед тобой из земли торчит тоби-иси. Когда твоя голова подкатится к камню, попробуй его укусить. Если злой дух поможет тебе это сделать, мы все тут начнем заикаться от страха. Ну что, укусишь камень?

– Укушу! – завопил охваченный яростью преступник. – Укушу! Уку...

Сверкнуло, свистнуло, раздался глухой удар. Связанное тело упало на рисовые мешки, из шеи брызнули две длинные кровавых струи, и голова тяжело покатила по песку напрямик к тоби-иси. Вдруг она подскочила, впилась зубами в камень до хруста, на миг замерла, отчаянно цепляясь за него, упала на песок и осталась неподвижной.

Все потеряли дар речи. Слуги в ужасе уставились на хозяина. А тот невозмутимо вручил катану ближайшему оруженосцу и зашагал к дому.

Оруженосец, зачерпнув ковшом воды из деревянной бадьи, полил окровавленное лезвие от *цубы*¹⁵ до самого острия, а затем тщательно протер его несколько раз бумажными листами. На том и закончилась церемониальная часть казни.

Следующие несколько месяцев слуги самурая прожили в паническом страхе. Все каждый день ждали визита призрака. Никто не сомневался, что обещанная месть рано или поздно свершится, и ужас заставлял их видеть и слышать то, чего не было. Вскоре они уже шарахались от шороха ветра в бамбуковой роще и от скольжения теней в саду. В конце концов, посоветовавшись, бедолаги решили обратиться к хозяину с просьбой заказать в храме поминальную службу, дабы умиловить голодного духа.

– В этом нет необходимости, – сказал самурай, когда старший слуга передал ему общую просьбу. – Я в курсе, что человек, жаждущий отмщения, может натворить много бед после смерти. Но в данном случае бояться нечего.

Старший слуга с мольбой воззрился на хозяина, не осмеливаясь спросить о причине такой уверенности.

– О, причина проста, – ответил самурай, угадав невысказанный вопрос. – Лишь самое последнее намерение человека перед смертью может возыметь разрушительные последствия. Поэтому я отвлек злодея от мыслей о мести, потребовав подать нам знак. В итоге он умер с единственным горячим желанием – укусить камень. Это желание ему удалось исполнить, а больше он уже ни на что не способен. Обо всем прочем его дух забыл. Так что пора бы и вам выбросить это дело из головы.

Разумеется, казненный преступник ни разу не потревожил обитателей усадьбы. Ничего страшного не случилось.

---

¹⁵ Цуба – гарда японских мечей, то есть пластина между лезвием и рукоятью, защищающая руку. (Примеч. пер.)

Зеркало и колокол

Восемь столетий назад служители храма в деревне Мугэн-ни-яма, что в провинции Тоотоми, решили обзавестись большим колоколом и попросили местных женщин отдать им старые бронзовые зеркала на переплавку. (И сейчас во дворах некоторых японских храмов можно увидеть зеркала, пожертвованные с той же целью. Самую внушительную коллекцию подобных предметов мне довелось обнаружить в Хакате на острове Кюсю, в храме буддийской школы дзёдо, – люди приносили туда зеркала для отливки тридцатитрёхфутовой бронзовой статуи будды Амиды.)

В ту пору в Мугэн-ни-яме жила молодая жена крестьянина. Она тоже отдала монахам зеркало на общее дело, а потом вдруг пожалела о своем поступке. Ей вспомнились рассказы матери об этой вещице, когда-то принадлежавшей ее бабке, а прежде – прабабке; подумалось о том, сколько счастливых улыбок отражалось в полированной бронзе... Конечно, она могла

опять пойти в храм и взамен зеркала предложить монахам немного денег, чтобы они вернули семейную реликвию. Но у нее не было ни монетки. И теперь всякий раз, приходя помолиться, она с грустью примечала во дворе у самой ограды свое зеркальце, валявшееся среди сотен других. Она узнавала его по выгравированному на тыльной стороне *сё-тику-бай*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.